

УДК 338.4 (075.8)

СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ХИМИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

С.М.Сухорукова, *П.В.Сухоруков, М.С. Брыкина

*Международный Московский Банк

Переход России к «открытой экономике» способствовал формированию в реальном секторе экспортно-сырьевой направленности и вымыванию наукоемких отраслей химической промышленности. Для выхода из этой ситуации предлагается концепция институциональной экономики, которая позволит восстановить диверсифицированный комплекс наукоемких отраслей в России на новой системной основе, одновременно решая связанные с этим экологические, социальные и экономические проблемы химической индустрии.

*«Есть время разбрасывать камни,
и есть время их собирать»*

Экклезиаст

Отрасли химической индустрии всегда относились к сферам повышенного экологического риска, но с ходом реформирования российской экономики эта проблема усугубилась и приобрела новый характер, будучи тесно увязанной с негативом экономических и социальных последствий распада народно-хозяйственного комплекса России. В силу системной взаимообусловленности социальных, экологических, экономических проблем их решение возможно только в совокупности и на системной основе. В данной статье предлагается рассмотреть две темы:

1. социо-эколого-экономическая ситуация в химической промышленности: анализ состояния и причин ухудшения,

2. концепция экономической политики, позволяющая решить комплекс социо-эколого-экономических проблем химической промышленности,

1. Социо-эколого-экономическая ситуация в химической промышленности: анализ состояния и причин ухудшения,

За последние пятнадцать лет химическая промышленность в России пережила значительное падение производства. Объем выпуска основных видов продукции химической промышленности (серная кислота, кальцинированная и каустическая сода,

синтетические смолы и пластические массы) снизился в период с 1990 по 1998 г. в 2 раза, минеральных удобрений за этот же период – в 1.5 раза, а по химическим волокнам – в 5 раз. Если в последующие годы наметился определенный рост производства некоторых видов химической продукции (синтетические смолы и пластические массы, минеральные удобрения), то по ряду позиций (стеклопластики, лакокрасочные материалы и др.) это падение остается значительным (4-5 раз) до настоящего времени [1]. Сократилось производство в отраслях фармацевтики. Скажем, в 1980-е годы в Советском Союзе производили около 70 различных субстанций антибиотиков из 90 известных в то время. Их экспортировали не только в социалистические страны, но и на Запад. А теперь почти все субстанции мы покупаем в Китае и Индии.

Сокращение химического производства обусловило социальные проблемы в связи с возникшей безработицей, особенно в городах, где были полностью закрыты градообразующие химические предприятия с комплексом обслуживающих их НИИ, КБ и образовательных учреждений. Ухудшились и общие по отрасли экономические показатели: реальные затраты в сопоставимой оценке выросли на 60%. Что касается экологических последствий, то показатели удельной природоемкости по отраслям химической промышленности значительно возросли.

При этом средняя энергоёмкость единицы химической продукции в России сегодня в несколько раз выше чем в США и других развитых странах, на 25% выше потребление воды, как технологической, так и оборотной. Удельные выбросы окислов серы значительно выше, чем в Японии, Норвегии, Германии. Все это говорит о низкой экономической и экологической эффективности химического производства. Совершенно очевидно, что решение проблемы требует технологического переоснащения производства, поскольку технологии, используемые химическими предприятиями, были созданы еще в 1970-е годы. При этом износ многих основных производственных фондов уже превышает 50-80%. Физическое устаревание оборудования создает повышенную угрозу техногенных катастроф с необратимыми экологическими последствиями, ростом экотических заболеваний и реальной вероятностью новых экономических и социальных рисков, дестабилизирующих развитие регионов.

Ухудшение социо-эколого-экономической ситуации, связанное с падением производства в химической индустрии, обусловлено рядом причин. Рассмотрим эти причины на макро- и микроуровне.

Сокращение производства в химической промышленности в значительной степени было вызвано сужением ресурсной базы, так как на макроуровне произошел масштабный структурный сдвиг – сырьевой. В стране стали лидировать экспортно-ориентированные предприятия по добычи нефти и газа.

В настоящее время доминирует в структуре российской экономики газонефтяной комплекс. Он обеспечивает около четверти производства ВВП, треть объема промышленного производства и доходов консолидированного бюджета России, примерно половину доходов федерального бюджета [2]. И все это благодаря сырью – газу и нефти, успешно продаваемым за рубеж нашими компаниями. Экологический негатив этой структурной деформации реального

сектора очевиден. Происходит убывание невозпроизводимого энергоресурса, необходимого самой России, прежде всего по причине ее холодного климата. Убывает и сырье, необходимое для отечественной химической перерабатывающей промышленности. Причем добыча этого сырья порождает весьма негативные последствия для биогеоценозов на территориях добычи. Не меньшую экологическую проблему создает и транспортировка газа, нефти по стране.

Что касается экономической оценки структурной деформации, то и тут мы несем серьезные потери. Сырьевая направленность российского экспорта повлияла на рост внутренних цен на сырье, в том числе и для химической промышленности, повышая себестоимость продукции, снижая ее конкурентоспособность и, следовательно, базу для налогообложения. Но, тем не менее, сохраняется ложное представление, что будто бы продажа сырья выгоднее продажи нефтепродуктов глубокой переработки и поэтому она может считаться предпочтительной бюджетобразующей основой. Однако, на самом деле именно при росте глубины переработки нефти и газа многократно растет экономический, экологический и социальный эффект в силу того, что:

- о улучшается качество продукта и, следовательно, его продажная цена,

- о при внутреннем потреблении качественных нефтепродуктов (бензин, дизельное топливо и т.д.) сокращаются загрязняющие атмосферу выбросы серы, азота на нашей территории,

- о при внутреннем потреблении качественных нефтепродуктов минимизируется риск штрафов с учетом того, что с 2008 года согласно Киотскому протоколу начнутся экономические санкции за выбросы парниковых газов,

- о сокращается энергоёмкость единицы ВВП и при условии его роста не требуются дополнительные объемы добычи энергоресурсов,

- о увеличивается занятость населения без введения в хозяйственный кругооборот дополнительных объемов

невоспроизводимого сырья,

о появляется социальный заказ на квалифицированных специалистов и, следовательно, повышаются требования к профессиональной подготовке кадров и поднимается общая культура населения.

Несмотря на очевидные социо-эколого-экономические преимущества вывоза не сырья, а продуктов глубокой переработки, нефтехимическая промышленность продолжает сокращать объемы своего наукоемкого производства, а экспорт углеводородного сырья растет. По экспертным оценкам генерального директора Научно-исследовательского инженерного центра «Синтез» д.х.н. Ю.А. Трегера лишь 10% углеводородного сырья, добываемого в России, подвергается химической переработке. Химическая индустрия, если производит (и экспортирует), то в основном продукцию первых химических переделов, т.е. сырье, полуфабрикаты и базовые крупнотоннажные материалы, тогда как 30-50% уникальной наукоемкой продукции – катализаторы, химикаты-добавки, смеси и сплавы полимеров, конструкционные полимеры и продукция переработки полимеров – импортируется из развитых стран [1].

С потерей наукоемких отраслей отечественная химическая промышленность стала не только «глупее», но и «грязнее», так как, если на фоне общего снижения объемов производства наукоемкие стадии производства резко сократились, то природоемкие, с токсичными выбросами – возросли. Это объясняется тем, что зарубежный рынок широко распахнул свои ворота для продукции энерго-, водоемкого и наиболее «грязного» химического производства. Так в производстве удобрения, серной кислоты, синтетических волокон после значительного, но непродолжительного спада, начиная с 1999 года стал наблюдаться рост объемов выпускаемой продукции [3]. Но это отрасли, продукция которых интересует иностранных покупателей не в последнюю очередь по причине экологической опасности их производства.

Макроэкономические причины ухуд-

шения социо-эколого-экономической ситуации в отраслях химической индустрии связаны и со следующим обстоятельством. В 1990-е годы распался многоотраслевой комплекс, создаваемый десятилетиями советской власти и обеспечивающий связь добычи сырья, его транспортировки и полного технологического цикла переработки до конечной наукоемкой продукции, направляемой конкретным потребителям. Это произошло в силу того, что в результате разгосударствления собственности была ликвидирована системная основа, обеспечивающая экономическую связь отраслей добычи сырья и его переработки. Произошло и разъединение самих химических комбинатов, связанных единой технологической цепочкой. Государство в новых условиях уже не может командно-административными методами обеспечить той связи отраслей и подотраслей, которая позволяет решать основные экологические задачи производства: ресурсосбережение и малоотходность. Необходимы средства индикативного, а не директивного управления. Пока эти средства отсутствуют невозможно осуществление эколого-ориентированных программ, направленных на обеспечение единых и замкнутых хозяйственных циклов при добыче и переработке природного сырья. Если в настоящее время и сохранилась природоохранная деятельность, то она носит разрозненный и компенсационный характер: мероприятия по ликвидации последствий техногенных аварий, обезвреживанию накопленных отходов, рекультивации земель, нарушенных в результате прокладки трубопроводов и т.д. Такая природоохранная деятельность не может принести радикального улучшения социо-эколого-экономической ситуации химической индустрии. Но тут обратимся к ежегодно публикуемым Государственным докладом «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации». Здесь экологическая ситуация в интересующих нас отраслях преподнесена достаточно оптимистично: статистика говорит о преимущественном снижении отходов за последние годы (табл. 1).

Таблица №1.

Динамика образования отходов производства и потребления по отраслям (млн. т) [4].

	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Нефтедобывающая промышленность	0.9	1.4	0.6
Газовая промышленность	0.25	0.3	0.1
Нефтеперерабатывающая промышленность	1.6	0.9	1.0
Химическая и нефтехимическая промышленность	116.4	120.3	133.2

Если по химической и нефтехимической отрасли показан рост отходов производства, то статистика при этом показывает весьма незначительный удельный вес этих отраслей в общем объеме загрязнения окружающей среды.

Судя по представленным статистическим данным, действительно, можно оценить экологическое состояние добычи газа и нефти, их переработки как вполне благополучное и с явной тенденцией на улучшение. Но картина обманчива по причине своей неполноты и фрагментарности. Это экологическое «благополучие» не коррелируется с реальным состоянием социальных, экологических и экономических проблем России. Да, отечественные «естественные» монополии, а также зарубежные инвесторы, международные банки, активно устремившиеся к месторождениям наших энергоресурсов и их первичной переработке, начали следовать требованиям экологической безопасности, заложенным в проектах и лицензиях. И вполне возможно, что выбросы у них сокращаются, тем более, что дисциплина экологического контроля будет ужесточаться в связи с введением в действие Киотского протокола. В Протоколе предусмотрен Механизм чистого развития (Clean Development Mechanism), который предложено применять путем совместного осуществления (Joint implementation) проектов «чистого производства», ориентированных на сокращение выбросов и продажи квот на загрязнение. Существуют и другие механизмы реализации Протокола, использование которых также принесет дополнительные финансовые преимущества компаниям

[5]. Так что, повторяем, данные о тенденции сокращения выбросов, приводимые в Государственных докладах «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации» могут быть вполне достоверны. Но что значат эти сокращающиеся выбросы при добыче нефти, газа и их транспортировке по сравнению с тем, что природное сырье уходит из страны, оставляя нашим регионам связанные с этим экономические и социальные проблемы? Для определения степени позитивности складывающейся ситуации, статистические данные о снижении доли загрязнений в отдельных отраслях ТЭК и химпрома следует рассматривать только в комплексе взаимосвязанных экологических, социальных последствий растущей добычи и экспорта сырья при падающей степени его переработки. И в этом плане социо-эколого-экономическую ситуацию в комплексе отраслей нефте-, газодобычи и нефте-, газопереработки нельзя оценивать как благополучную для Российской Федерации.

Ухудшению социо-эколого-экономической ситуации немало способствовали причины и микроэкономического уровня. В процессе приватизации и акционирования произошло дробление крупных химических комбинатов. С учетом резко упавшей платежеспособности предприятий, это стало тормозом в реализации дорогостоящих научно-технических проблем по модернизации оборудования, переходу к технологиям «чистого производства». Конечно, нельзя при этом забывать, что появились крупные хозяйственные объединения со значительными финансовыми возмож-

ностями: ФПГ, ТНК. Но эти рыночные структуры, как правило, строятся на исключительном доступе к месторождениям нефти или газа, что делает их монополистами и ставит вне конкуренции при выборе способов использования сырья. Естественные монополии предпочитают экспортировать сырье, а не продукты его переработки, хотя на основе крупных нефтяных и газовых компаний можно создать вертикально интегрированный полный цикл: от научной разработки до производства конечной наукоемкой продукции. На этот путь встает ОАО

Газпром. Но успехи здесь еще не так уж значительны. ОАО Газпром имеет всего 6 заводов, перерабатывающих около 50 млрд. куб. м. газа в год (для сравнения: мировая газоперерабатывающая промышленность насчитывает около 1600 заводов, перерабатывающих до 1500 млрд. куб. м в год). Общая доля России в химической переработке газа составляет всего 2.3% от объемов переработки мировой газоперерабатывающей промышленности. И это при том, что Россия имеет 35% мировых запасов газа, что должно стать естественной основой мощной отечественной газоперерабатывающей промышленности.

Таблица №2.

Вклад отраслей промышленности в загрязнение окружающей среды [4].

	Выбросы в атмосферу	Сброс загрязненных сточных вод	Образование отходов
Всего	100%	100%	100%
Химическая и нефтехимическая промышленность	2%	20%	5%
Нефтеперерабатывающая промышленность	3%	4%	0.3%
Нефтедобывающая промышленность	25%	0.1%	0.02%
Газовая промышленность	4%	0.2%	0.004%

Конечно, можно наращивать экспорт сырья и пользоваться благоприятной ситуацией на мировом рынке энергоресурсов с целью инвестирования на нужды технологического обновления отечественной химической перерабатывающей промышленности. Но этого не происходит. При постоянно растущих суммах нефтедолларов за последние пятнадцать лет объем инвестиций в нефтехимию уменьшился в 5-6 раз.

Макроэкономические причины данного обстоятельства заключаются в следующем.

В результате рыночных преобразований решение задач макроэкономического регулирования инвестиционных потоков в России сместилось от органов федеральной власти в сторону рыночных структур. Для российских субъектов рыночной экономики до сих пор не создан механизм социальной ответственности и экономической заинтересованности в

решении социо-эколого-экономических проблем, связанных с химической перерабатывающей промышленностью. При этом инвестиционную политику в России, в химической промышленности, в значительной степени, стало определять начавшееся привлечение иностранного капитала, заинтересованного прежде всего в природо-эксплуатирующих отраслях (рис. 1). В результате основной объем инвестиций приходится на сырьевые сектора химической промышленности: производство минеральных удобрений, крупнотоннажных нефтехимикатов. Если экстраполировать эту тенденцию, приняв за условие то, что роль зарубежного капитала в развитии российской химической промышленности будет возрастать, можно ожидать роста не науко-, а природоемкости нашей химической продукции. И приходится отметить, что доля зарубежного капитала пока только увеличивается.

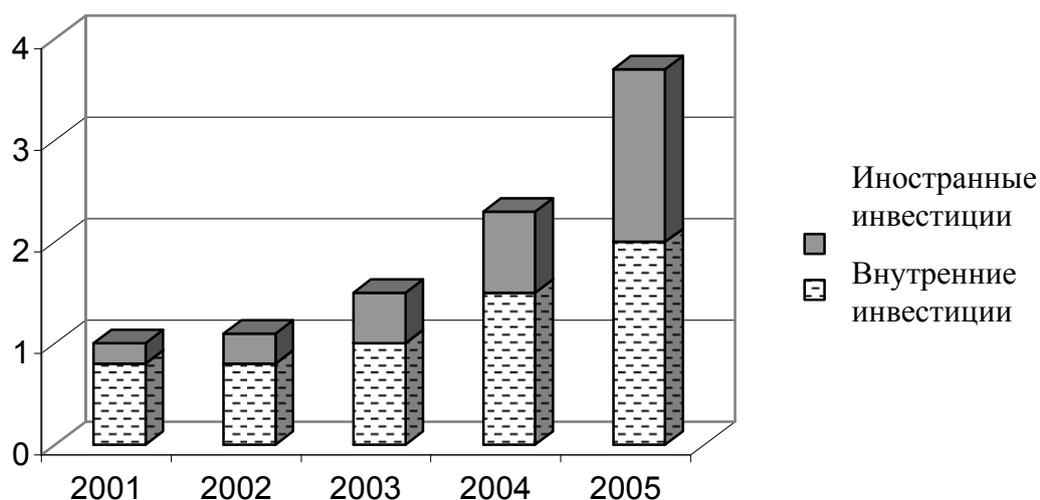

Рис. 1. Динамика инвестиций в химическую индустрию России [6].

Встает вопрос: как переломить тенденцию роста природоемкости химической индустрии, если мы нуждаемся не только в финансовых ресурсах западных инвесторов, но и в их технологиях, так как по ряду производств в технологическом отношении наше отставание измеряется десятилетиями?

Государство в условиях пореформенной России не берет на себя задачу финансирования технологического переоснащения перерабатывающей химической индустрии, используя средства, получаемые от продажи сырья. Государство, согласно «либерально-рыночной» концепции реформирования не должно принимать участия в решении социальных, экологических проблем отечественной промышленности. Поэтому у государства и не вызывает беспокойства тот факт, что в общей сумме природоохранных инвестиций по России на долю химической и нефтехимической промышленности в 2004 году пришлось всего 7.9% [4]. При этом вся природоохранная деятельность в ТЭК и химпроме осуществлялась за счет собственных средств предприятий. Но рассчитывать на их рост не приходится, так как постоянные корпоративные войны за передел собственности не способствуют росту природоохранных инвестиций,

которые в основном должны носить долгосрочный характер.

Учитывая геополитическую стратегию международного капитала (продвижение к природным ресурсам и, прежде всего, к энергоносителям, а также пресной воде, лесным ресурсам и т.д.), не приходится рассчитывать и на его участие в формировании наукоемких отраслей химической промышленности и улучшении социо-эколого-экономической ситуации, там сложившейся. Поэтому, поскольку мы не должны изолироваться от мирового сообщества, сегодня стратегически важно создавать такую институциональную основу для потоков иностранного капитала, которая способствовала бы решению экологических, социально-экономических, технологических проблем в химической промышленности. И трудности по решению этой задачи приходится рассматривать с учетом сложившихся тенденций глобализации мировой экономики.

Дело в том, что рассмотренные выше и макро- и микроэкономические причины ухудшения социо-эколого-экономической ситуации в химической индустрии не были обусловлены лишь внутренними российскими обстоятельствами. В значительной степени они были

предопределены условиями вхождения России в глобализирующуюся мировую экономику (табл. 3). Каковы эти условия? Этот вопрос является ключевым для улучшения социо-эколого-экономической ситуации в химической промышленности.

Начнем с того, что экономическая политика государства (группы государств) строится на концепции конкретной школы экономической теории. В каждой школе своя трактовка роли государства в регулировании инвестиций, структуры промышленных отраслей, а также отношений собственности на природные ресурсы, цен, налогов и т.д. В основу реформирования российской экономики и глобализации положена либеральная экономическая доктрина. Эта доктрина отрицает допустимость государственного регулирования промышленности, абсолютизирует приоритет рыночной свободы и полную открытость границ для перемещения инвестиций, сырьевых ресурсов, рабочей силы, товаров и пр. Либеральная концепция фактически обосновывает право таких субъектов

глобализации, как ТНК, международные банки, проникая в другие страны, подчинять их природные ресурсы своим интересам. В результате появляются «экологические» колонии, обслуживающие развитые страны своей добывающей промышленностью. Если на их территории сохраняется и перерабатывающая промышленность, то преимущественно в самых «грязных» отраслях или наиболее энерго-, водо-, ресурсоемких технологических стадиях. Развитые страны, сосредотачивают на своих территориях «чистые», наукоемкие звенья в цепи промышленных технологий. С начала 1970-х годов прошлого столетия Запад вообще заметно начинает терять интерес к сохранению за собой статуса «передовой индустрии». «Развитые» страны объявили о своем переходе к «постиндустриальной», «информационной» стадии цивилизации, наращивая свои доходы за счет финансовых спекуляций и продажи высоких технологий. Россия в этом процессе заметно отстала.

Таблица 3.

Место России среди развитых стран по производству наукоемкой продукции и услуг [7].

Страны	Объем производства (млрд. долл.)	Место в мире
США	2584.0	1
Япония	1377.2	2
Германия	807.9	3
Франция	450.1	4
Великобритания	356.5	5
Канада	142.5	6
Россия	115.3	7

Транснациональные корпорации развитых стран целенаправленно стали выносить «природоемкие» и «грязные» производства за рамки своих «цивилизованных» государств. Транснационализация производства стала вообще характерной особенностью глобализации. Ее предпосылкой явилось то, что промышленный способ производства основан на технологиях, поддающихся унификации и возможности их рассредоточения по нескольким странам. Благодаря этому и возможна

ситуация, когда отдельные звенья производственно-технологических цепочек выносятся за национальные рамки, что породило феномен международного «технологического» разделения труда. При этом, по мере глобализации происходит не только экономическое сближение стран мирового сообщества, но и растет осознание их экологической взаимозависимости. В результате этого страны выходят на согласование нормативов производственной деятельности с точки зрения их экологической чистоты.

**Факторы, способствующие транснационализации
промышленного производства и учета возрастающих экологических требований к
чистоте производства**

- Унификация требований к производству в соответствии с международными стандартами качества (ISO -9001)
- Унификация технологических регламентов химического производства (GMP, REACH)
- Унификация требований по аудиту систем менеджмента качества продукции (ISO -19011)
- Унификация требований к экологическому менеджменту (ISO-14001)
- Добровольное участие предприятий в системе совместного экологического менеджмента и аудита для стран ЕС (EMAS)
- Унификация требований по подготовке для промышленного производства кадров трех уровней: бакалавров, магистров, специалистов (Bologna agreement) и т.д.

Наряду с этим проводятся регулярные саммиты по охране природы, создаются многочисленные межгосударственные соглашения по трансграничным перемещениям загрязнителей и перевозке опасных отходов, по сокращению выбросов определенных газов и т.д. Приняты международные конвенции в области обеспечения экологической безопасности и химического производства. (Конвенция о предотвращении крупных промышленных аварий – 1993 г., Конвенция по стойким органическим загрязнителям – 2001 г. и т.д.) И все эти меры, безусловно, способны обеспечить повышение уровня

эколого-технологической культуры в химической промышленности тех стран, которые отстали в этом отношении. Однако сам характер международного «технологического» разделения труда, складывающегося за последние десятилетия, должен настораживать, поскольку он обусловил негативные социо-эколого-экономические последствия, которые уже дестабилизировали развитие многих национальных экономик. Речь идет о странах Южной Америки, о странах на постсоциалистическом пространстве в Европе и Азии. В связи с этим растет движение антиглобализма, принимая все более массовые и агрессивные формы.

**Социо-эколого-экономические последствия глобализации,
осуществляемой на либеральной основе**

- Растущий разрыв между странами по уровню благосостояния, возможности получения образования, работы по профессии
- Появление «экологических колоний» - стран с моноотраслевой направленностью, обслуживающих своими природными ресурсами развитые страны
- Главенство наднациональных структур в регуляции инвестиций, как правило, направляемых с целью «экологической эксплуатации» в экономику стран, отставших в индустриальном развитии
- Преимущественное развитие «грязных» природоемких отраслей на территории «экологических колоний» и «чистых» наукоемких отраслей на территории развитых государств

Можно по-разному оценивать явление антиглобализма, но уже нельзя не изучать его причины, заложенные в теоретической концепции глобализации и приведшие во многих странах к развалу экономики,

росту безработицы, катастрофическому состоянию в сфере промышленности, образования, науки и т.д. Ведь именно так произошло с Россией, которая в 1990-х гг. встав на путь рыночных преобразований и

«открытой экономики», использует либеральную концепцию для реформирования своей экономики. Кстати сказать, от либеральной концепции экономики еще в 1950-х гг. отказались Япония и ФРГ, а в наши дни от нее отказываются одна за другой страны Южной Америки. Они увидели в ней реальную угрозу своей экономической и технологической независимости. Венесуэла, Боливия проводят национализацию месторождений и восстанавливают свою нефте-газо-перерабатывающую промышленность посредством целенаправленной государственной политики. Никарагуа также начинает проводить государственную социально-ориентированную политику, отказываясь от доктрины либеральной концепции.

Однако либеральные экономисты продолжают утверждать, что они предлагают миру тот рациональный подход, который способствует наиболее эффективному технологическому разделению труда для производителей промышленной продукции. Либералы также уверяют, что мировой рынок оптимизирует спрос и предложение на энергоресурсы в пользу наиболее рационального международного разделения труда и в сфере природопользования. На самом же деле под вывеской глобальной «рыночной демократии» происходит монополизация развитыми странами природно-ресурсной сферы планеты. Инвесторы из «развитых» стран не учитывают эколого-экономические интересы развивающихся государств, не заботятся о сбережении их естественных ресурсов. Международные финансовые организации не ориентируют их на инвестиции в будущие социальные активы – здоровье и образование своих граждан. Эти «недостатки» глобализирующейся экономики можно нейтрализовать на национальном уровне, если обеспечить «защитный» механизм государственного регулирования в сфере промышленного природопользования. Но в том то и дело, что, согласно либеральной концепции, социальными и экологическими издержками хозяйственной

деятельности можно пренебречь как «побочными эффектами» рынка, а государство ни в коем случае не должно регламентировать экономику.

Но, если судить по публикациям даже западных авторов, то все более значительная часть их пишет о «провалах рынка» и катастрофичности социально-эколого-экономических последствий глобализации для отдельных стран и всего мирового сообщества. Д. Стиглиц – лауреат нобелевской премии по экономике за 2002 год, в своей работе «Глобализация: тревожные тенденции» пишет о покаянии идеологов глобализации. (Насколько кающиеся искренни – это особый разговор). В книге приведены такие слова В.Г. Сороса: «Менее развитые страны ... сегодня втягиваются в широкомасштабные связи по весьма жестким правилам игры, установленным международными (западными) финансовыми организациями с начала 1980-х гг. «Слабакам» отводится роль поставщиков сырья и производителей низко-технологичных товаров. Так называемые structural adjustment programs с их стандартным набором условий (сокращение бюджетных, в основном социальных расходов, девальвация местной валюты, либерализация цен и внешней торговли и т.п.) преследуют две основные цели: стимулировать экспорт слаборазвитой страны для платежей по обслуживанию внешнего долга; расширить импорт товаров из развитых стран, предназначенный в основном для туземного обеспеченного меньшинства. Такой тип кооперации существенно осложняет возможности самостоятельного и эффективного развития периферии, загоняет ее в ловушку слаборазвитости, усиливает здесь социальные контрасты и экологическое неблагополучие» [8]. Повторяем, что нашу оценку искренности соболезнования в этих словах оставляем за рамкой статьи. Но ясно одно, что даже согласно мнению идеологов глобализации видно, что если страна не имеет экономической стратегии, учитывающей сложившийся характер глобализации, то ее экономика оказывается в периферийной

зоне этого процесса с нарастающими эколого-экономическими и социальными проблемами. Для такой страны становится неизбежной технологическая зависимость и узкоотраслевая (природно-ресурсная ориентация). Эта опасность угрожает всей нашей отечественной промышленности:

мы вывозим сырье, а не продукцию нашего интеллекта, как это делают «развитые» страны. По оценкам Мирового Банка Реконструкции и Развития эта ситуация вполне «естественна», что обосновывается следующим образом [9].

Таблица 4.
Структура национального богатства.

Страны	Доля природного капитала в национальном богатстве (%)	Доля произведенного капитала в национальном богатстве (%)	Доля человеческого капитала в национальном богатстве (%)
«Развитые страны»	10	20	70
Россия	88	10	22

Учитывая подобную оценку зарубежных экспертов, ситуация, складывающаяся в России с ростом экспорта энергоносителей при одновременном снижении объема наукоемкой продукции, выпускаемой отечественными нефтехимическими отраслями, не может не беспокоить. А это сокращение по отдельным отраслям составляет 40-90% и оно может стать признаком новой ниши российской химической промышленности в международном разделении труда.

2. Концепция экономической политики, позволяющая решить комплекс социо-эколого-экономических проблем химической индустрии в условиях глобализации экономики

Итак, за последние 15 лет структура производства в химической промышленности изменилась и, главным образом, за счет сокращения наукоемких отраслей глубокой переработки нефти и газа. Вступив на путь «открытой» экономики, в международном разделении труда Россия приняла на себя роль поставщика сырья и низкотехнологичных товаров. В результате резко снизился экономический эффект от использования нефти и газа, выросли экологические издержки и социальная напряженность в стране. Каковы же средства преодоления неблагоприятной социо-эколого-экономической ситуации в химической

индустрии? Эти средства должны носить прежде всего макроэкономический характер.

Чтобы направить инвестиционные ресурсы на формирование наукоемких отраслей химической промышленности, необходимо преодолеть экспортно-сырьевую моноструктуру российской экономики и восстановить системно связанный комплекс добывающей и перерабатывающей промышленности. Эта интеграция обоудовыгодна. По экспертным оценкам она может многократно увеличить совокупную прибыль по сравнению с отдельным функционированием отраслей и предприятий [2]. Восстановление на уровне макроэкономики системной связанности этих отраслей позволит:

- сокращать квоты на экспорт минерального сырья в пользу отечественных заводов по его переработке,
- изменить политику экспортных пошлин в сторону понижения при вывозе наукоемкой продукции и повышения их при вывозе сырья,
- дифференцировать налоги на производство в зависимости от глубины переработки природного сырья (природоемкости и отходности).
- реинвестировать в химическую промышленность средства, получаемые от реализации природной ренты в сфере

газо-, нефтедобычи,

• диверсифицировать инвестиции, учитывая связи предприятий при добыче и такой последовательной переработке природного сырья, которая обеспечивает достижение тройкой цели:

• экологической (малоотходность и ресурсосбережение),

• экономической (сокращение экологических издержек производства),

• социальной (снижение экогенных заболеваний, увеличение рабочих мест при сохранении разнообразия профессиональной структуры занятости и повышении квалификационного уровня населения, обслуживающего все более наукоемкие технологии и т.д.).

Такая макроэкономическая политика возможна, если системообразующим фактором в системе экономических институтов будут приняты экологизированные правомочия собственности на природные ресурсы.

За период реформ в России произошло разгосударствление отношений собственности на природные богатства и механизмов распределения финансовых ресурсов. В условиях складывающегося рынка, если поток инвестиций не институализирован, нельзя ожидать целенаправленного их использования. В данном случае эколого-ориентированного. Поэтому и представляется принципиально важным экологизировать правомочия пользования природными ресурсами, передаваемые субъектам хозяйствования, при том, что правомочия владения принадлежат обществу. В таком случае государство сможет определять «правила игры» на рынке природных ресурсов в интересах как ныне живущих, так и будущих поколений. Государство сможет экономически стимулировать и развитие наукоемких отраслей, используя право общества на присвоение природной ренты и ее использование [7].

Экологизация прав собственности с учетом экологических лимитов означает четкое определение допустимых границ и характера пользования природными ресурсами [10]. В частности, экологизация прав пользования природными ресурсами

должна предусматривать обязанности реинвестировать природную ренту в комплекс отраслей и подотраслей для глубокой переработки извлекаемого природного ресурса (для этого необходимо изменить и такой институт как налог в сфере недропользования, переходя на систему рентных платежей).

Вся система институциональных связей должна строиться с учетом регулирующей роли государства в социолого-экономическом согласовании деятельности субъектов хозяйствования. В «развитых» странах государству в этом согласовании отводится существенная роль, и оно, опираясь на рыночные механизмы, добивается сокращения загрязнения среды, определяя структуру промышленных комплексов в различных регионах, при этом решая такие социальные проблемы, как занятость, образование, миграция рабочей силы. И надо сказать, что государственная политика, благодаря этому, внесла существенные коррективы во внутрикорпоративные и межкорпоративные соглашения на территориях «развитых» стран. Ни в одной «развитой» стране судьба науки, промышленности, образования не отдана на откуп рынку и иностранным инвесторам, не учитывающим интересы страны, принимающей их капиталы. Чтобы и в России в решающих сферах жизнеобеспечения восстановить регулиющую роль государства, оно, повторяем, должно сохранять достаточный «пучок прав» собственности на природные ресурсы. Но, чтобы при этом государство служило интересам не олигархов, а российского общества в целом, необходимо институализировать принцип «общего блага» (в настоящее время этическими, правовыми, экономическими средствами институализирован принцип «индивидуальной выгоды»). В условиях глобального экологического кризиса задача демократического государства (если таковым оно является) состоит в том, чтобы сгармонизировать интересы всех социальных слоев, ориентируя их на

достижение такого «общего блага», как жизнепригодность территории (в качестве справки: Китай отказался от принципа диктатуры пролетариата и объявил себя государством «гармоничного развития»).

Но тут встает следующее препятствие. Перечисленные институты (экологизированные правомочия собственности, государственное регулирование макроэкономических связей отраслей добывающей и перерабатывающей промышленности, рентные платежи, принцип «общего блага») методологически несовместимы с либеральной концепцией. Дело в том, что либералы в своих программах ориентируются на эгоизм *homo economicus*, которого должна интересоваться лишь индивидуальная выгода и защита прав частной собственности. Эта методологическая основа либеральной экономики сформулирована еще в XVIII веке ее основателем Адамом Смитом. Так что для осуществления выше предложенных способов потребуется отказ от «либеральной» доктрины в пользу «институциональной» теории экономики. Это позволит отойти от редуccionизма либералов и вернуться к макроэкономическому подходу в регулировании структуры российской промышленности. Это также позволит вернуть этические основы мотивации пользования ресурсами во имя сохранения историко-культурной общности россиян. Только при таком условии станет возможно в России преодолеть статус экологической колонии и начать формирование диверсифицированной экономики с преобладанием наукоемкой части в химической промышленности.

Институциональная концепция позволяет обосновать

- доминанту экологического императива,
- право народа на сохранение историко-культурных ценностей и нравственных ориентиров хозяйственного природопользования,
- необходимость институционального укрепления национальной государственности и защиты границ

российского экономического пространства в целях формирования диверсифицированной экономики с преобладанием наукоемких производств в сфере перерабатывающей промышленности,

- введение экологизированных прав собственности как системообразующего элемента экономических отношений государства и субъектов хозяйствования,
- необходимость многокритериальной оценки политики инвестиций и введения в нее социо-эколого-экономической составляющей и т.д.

Насколько реален в России отказ от неолиберальной концепции в пользу институциональной теории экономики? Это вопрос не столько воли Правительства и законодательной деятельности Госдумы, сколько ценностного мышления россиян. И обеспечить дееспособность предложенных выше институтов можно лишь при готовности общества принять нравственные ориентиры, принципиально отличающиеся от «рыночных».

Ценностные установки в сфере природопользования, обеспечивающие реализацию институциональной теории экономики

- Отношение к природному богатству России как условию роста благосостояния всех слоев населения с учетом интересов как ныне живущих, так и будущих поколений.
- Признание приоритета таких «качественных» показателей экономического развития, не имеющих стоимостного измерения, как: здоровье российского населения, комфортность проживания в здоровой природной среде, рост экологической культуры, не допускающей агрессии по отношению к своему природному окружению и т.д.

К сожалению, приступая в 1990-х годах к реформированию российской экономики, наше общество не отдавало себе отчета в том, что существует ряд экономических школ, на которых сегодня может строиться экономическая политика правительств или партий. Эти школы принципиально различаются по определению целей развития экономики и

соответствующего им спектра нравственных устоев общества. Поскольку сегодня все чаще раздаются голоса о несовместимости рыночных идей с традициями отечественной культуры, российская экономическая мысль оказывается на распутье:

- следовать западной либеральной экономической мысли, основанной на индивидуализме и краткосрочных ориентациях при использовании природных ресурсов России, сохраняя экспортно-сырьевую ориентацию в экономике, или

- следовать традициям российской экономической мысли, основанной на социальной ответственности государства, делая ставку на развитие интеллектуального потенциала и, следовательно, на внедрение наукоемких

технологий во все отрасли производства. В таком случае для нас не будет альтернативы приоритетному финансированию наукоемкого сектора в химической индустрии и возвращения к государственному протекционизму этой сферы.

Перед выбором стоят не только экономисты-теоретики и экономисты-практики. Вся система экономического образования распята между двумя школами: либеральной и институциональной. Какая из этих школ победит? От этого зависит мотивация хозяйственного природопользования у будущих поколений специалистов и, следовательно, судьба химической промышленности: ее технологического прорыва и социо-эколого-экономически устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Российский статистический ежегодник. Федеральная служба государственной статистики. (Росстат). Официальное издание. – М. – 2004. – С. 378, 385-387.
2. Калинин, А. Экономические проблемы нефтеперерабатывающей промышленности / А. Калинин // Экономист. – 2006. – № 5. – С. 24-25.
3. Белая книга. Экономические реформы в России 1991-2001 г. / Автор-составитель С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм-Книга, 2002. – С. 224-228.
4. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2005 году: Государственный доклад. – М. : Министерство природных ресурсов РФ, 2005. – С. 152-155, 408.
5. Киотский протокол к рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. – Киото, 1997. – Статья 12.
6. Виньков, А. Сесть за парту или уйти на пенсию / А. Виньков, В. Рязанов, Д. Сиваков // Эксперт. Русский бизнес. – 2006. – № 39. – С. 33.
7. Львов, Д.С. Миссия России / Д.С. Львов. – М.: Издательский центр ГОУВПО «ГУУ», 2006. – С. 65, 39-45.
8. Стиглиц, Д. Глобализация: тревожные тенденции / Д. Стиглиц. – М. : Мысль, 2003. – С.49.
9. На пороге 21 века. Доклад о мировом развитии 1999/2000 гг. – М. : Всемирный банк, 2000. – С. 135.
10. Сухорукова, С.М. Принципы природопользования /С.М. Сухорукова // Глобалистика. Энциклопедия. - М. - 2003. – С. 848-850.